

торых написаны древние ассирийские письменные знаки, не те, которые Дарий, отец Ксеркса, недавно составил персам»¹. Неправ Эд. Мейер, когда он издевается над Вейсбахом, что тот использует для решения проблемы эпохи Ахеменидов фальшивку, созданную в императорское время²: ведь это письмо Фемистокла, хотя и являлось неподлинным, могло сохранить ценные исторические данные.

В этом отношении Вейсбах вполне прав, и с ним согласен и Херцфельд («Клио» VIII, стр. 68), но последний делает из письма, приписываемого Фемистоклу, вывод, противоположный тому, который сделал Вейсбах. Херцфельд, с моей точки зрения, основательно указывает на то, что грек не мог бы отличить персидскую клинопись от ассирийской, а поэтому он и видит в письменах, «которые Дарий, отец Ксеркса, недавно составил персам», не персидскую клинопись, а арамейское алфавитное письмо. Арамейские буквы, конечно, можно было легко отличить от любых клинописных знаков³. Таким образом, письмо, приписываемое Фемистоклу, является свидетельством в пользу того, что Дарий ввел арамейский алфавит для написания документов на персидском языке. Свидетельство письма Фемистокла подкрепляется и § 70 Бехистунской надписи, если рассматриваемую группу вслед за Вейсбахом читать *harrīia-ma* и переводить «по-арийски». Однако, будучи прав в отношении чтения и перевода этой группы, Вейсбах совершенно не прав, давая слишком широкое истолкование выражению «по-арийски». Как полагал Вейсбах, этим выражением Дарий хотел заявить, что он был первым, который составил надписи арийским письмом и на арийском языке. Это слишком широкое толкование *harrīia-ma* («по-арийски»). Самым естественным толкованием выражения «по-арийски» является перевод «на арийском языке». Такое толкование станет еще очевиднее, когда мы дадим перевод выражения *harrīia-ma* в окружающем контексте: «Дарий царь говорит: волею Ахурамазды я писание другим способом составил по-арийски, чего раньше не было, как на необожженном кирпиче, так и на коже, как имя, так и печать, я поставил...». Дарий подчеркивает, таким образом, что он составил надписи на арийском языке другим способом, чего раньше не было, и велел написать их на необожженной глине и на коже, а потому и мог поставить на них как свое имя, так и печать. Правда, Вейсбах, как я выше указал, отвергал возможность интерпретации § 70 Бехистунской надписи таким образом, чтобы видеть в ней указание на нововведение в деле увековечения текста на глине или коже. Применение глины и кожи, как материала для письма, было слишком древним во время Дария, чтобы царь мог себе позволить, по мнению Вейсбаха, отрицать использовавшие до него подобных материалов для письма (ZDMG, 67, стр. 331). Однако это возражение Вейсбаха теряет всякую силу, если мы вспомним, что документы на персидском языке, писавшиеся клинописью, писались на камне, а на коже и глине цари Персии велели писать не «по-арийски», а по-вавилонски, по-сирийски, по-эламски и т. д. Теперь же царь Дарий велел составлять надписи другим способом — «по-арийски», т. е. арамейским алфавитным шрифтом на коже и на глине с оттиском на них своего имени и печати.

Использование арамейского алфавита для написания древнеперсидских текстов подтверждается тем, что в 1923 г. на гробнице Дария I была открыта раньше не отмеченная надпись, написанная арамейским алфавитом; надпись оказалась слишком разрушенной, чтобы читать ее в связном виде или чтобы ее восстановить, однако некоторые слова, как, например, *xšāya ōya varzka* «великий царь», или *māhuā* «в месяц»

¹ «Epistolographi graeci», rec. R. H e r c h e r, стр. 762.

² Ed. M e y e r, Papyrusfund von Elephantine, Lpz., 1912, стр. 100.

³ Попытка Вейсбаха, Keilinschriften der Achämeniden, стр. LXIII, спорить с выводом Херцфельда не является убедительной. Он сам должен признать, что Корнелий Непот слишком преувеличил познания Фемистокла в области персидского письма, а Ф у к и д и д (I, 138,4) и П л у т а р х (Themisth., 30) свидетельствуют лишь о том, что он изучил персидский язык.

доказывают, что это — персидская надпись, написанная арамейским алфавитом¹. Уже Херцфельд, открывший эту надпись, считал, что «использование арамейского алфавита как официального письма для древнеперсидских надписей было нововведением Дария, который считал его настолько важным, что упомянул о нем в Бехистунской надписи»². Херцфельд, однако, не дал здесь более подробно той новой интерпретации § 70 Бехистунской надписи, необходимость которой вытекает из его открытия: ведь Херцфельд стоял в этом вопросе ранее весьма близко к Борку и Кенигу («Klio», VIII, стр. 66). Поэтому и в 1939 г. в литературе вопроса еще дебатировалось мнение, что реформа письменности, проведенная Дарием, заключалась в введении персидской клинописи и что надпись Кира в Мургхабе была вырезана по приказу Дария I³.

Поэтому я считаю, что предложенная мною интерпретация эламской версии § 70 Бехистунской надписи — «Волею Ахурамадзы я писание другим способом составил по-арийски, которого раньше не было, как на необожженном кирпиче, так и на коже и т. д.» — имеет некоторое значение для истории. Из этой интерпретации вытекает, что Дарий впервые ввел не применявшееся до него письмо для надписей на арийском (персидском) языке — арамейский алфавитный шрифт. Тем самым она свидетельствует и о том, что персидская клинопись не была создана Дарием, а существовала до него, я полагаю, даже в эпоху Мидийской державы.

Акад. В. В. Струве

LUCRETIANA II

К вопросу об исторической концепции в поэме Лукреция⁴

Доклад на кафедре классической филологии МГУ 15 ноября 1950 г.

Философская поэма Лукреция является ярким примером того, как своеобразно преобразуется греческий материал в римской действительности, приобретая новые черты и отражая свое время (середина I в. до н. э.). Отсюда возникает и ряд проблем в изучении этой замечательной поэмы. В этом этюде я остановлюсь на исторической концепции в поэме «О природе вещей». Данный вопрос уже рассматривался в советской науке — в статье проф. Н. А. Машкина «Время Лукреция» и отчасти проф. В. И. Светловым в статье «Мировоззрение Лукреция»⁵. Однако возможны и дальнейшие наблюдения в этой области.

Известна та бурная эпоха в истории Рима, в какую жил Лукреций. Эта эпоха острой классовой борьбы оставила глубокий след в душе впечатлительного поэта. Отсюда его пламенная пропаганда эпикуреизма, отсюда особенности его мировоззрения вообще. Классовый характер мировоззрения Лукреция определяется различно. Трудно доказать, что эпикурейская этика была в интересах именно всадников, как полагают проф. Асмус⁶ и проф. Светлов (ук. соч., стр. 92). Необоснованным кажется и утверждение И. М. Тронского: «Для дельцов из всаднического сословия, укло-

¹ Herzfeld, *Archaeological History of Iran*, L., 1935, стр. 48. С этой точкой зрения согласен и А. А. Фрейман, ВДИ, 1940, № 2, стр. 126 сл.

² Herzfeld, ук. соч., стр. 48.

³ W. Hinz, *Zur iranischen Altertumskunde*. ZDMG, т. 93 (1939), стр. 380; он же, *Die Einführung der altpersischen Schrift*, ZDMG, т. 96 (1942), стр. 343 сл.

⁴ Н. Ф. Дератани, *Lucretiana*, ВДИ, 1950, № 1.

⁵ Лукреций, *О природе вещей*, II, Изд. АН СССР, 1947, стр. 87 сл. и 236 сл.

⁶ См. введение к переводу поэмы Лукреция, выполненному Ф. А. Петровским, «Academia», 1936.

нявшихся от государственных должностей для того, чтобы не стеснять свободу своих финансовых операций, эпикуреизм был удобной ширмой, „философским“ обоснованием отказа от политической деятельности» (стр. 346). Правильно замечает проф. Н. А. Машкин: всадничество, как прослойка рабовладельческого класса, не было однородно по своему составу, «говорить о каком-то особом мировоззрении всадников нет оснований» (ук. соч., стр. 273).

Важно прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что Лукреций с большим недоверием относится к плебсу (*vulgus*); плебс не способен к управлению, после низвержения царей, рассказывает Лукреций, когда их скипстры пали обгаженными к ногам «черни», начались ужасные беспорядки и смуты; каждый стремился к власти и господству (V, 1136—1142). С другой стороны, Лукреций и против царской власти; она, как и у Саллюстия, отождествляется им с тиранией; цари отличались гордостью (*sceptra superba*), их власть внушала страх, поэтому и была свергнута (V, 1136—1140)¹. С этой позицией Лукреция согласуется и то, что, как отметил Ф. А. Петровский², Лукреций обращается к Меммию не только как равный к равному, но даже с оттенком превосходства.

Но Лукреций отличается от других римских эпикурейцев. Давно установлено, что под влиянием бурных событий I в. до н. э. среди отстраненных от социальной борьбы средних общественных слоев, а иногда и среди политических деятелей развивался политический индифферентизм, пассивность; многие посвящали свой досуг земледелию и охоте (*Sal.*, *De con. Cat.*, 3—4); все это создавало благодарную почву для распространения эпикурейского учения с его индивидуалистическими тенденциями и квиетизмом. При этом, как известно, эпикуреизм в Риме большей частью распространялся в вульгаризированном виде — как пропаганда полного наслаждения жизнью. Лукреций же — не пассивный эпикуреец, а смелый политический борец; на базе невульгаризованной философии эпикуреизма он выступает против религии и других язв современного ему общества: он стремится своей поэмой излечить эти язвы, он прославляет человеческий разум и побуждает к воздействию на природу. На основе эпикурейского учения он разрешает проблемы космоса, религии, морали, отвечая этим на запросы средних слоев рабовладельцев, которые ставили эти вопросы под влиянием бурных событий своего времени. В своем материализме Лукреций объективно отразил прогрессивную идеологию демократических слоев римских рабовладельцев.

Лукреций особенно настойчиво развивает эпикурейский тезис о постоянном изменении и движении в природе. Вспомним ярко нарисованную им картину перехода материи из одной формы в другую (I, 249—264; II, 874—885); «все возникает одно из другого», все течет (V, 280), «все переходит из одного состояния в другое» (V, 828—830), «все преходяще» (V, 830: *omnia migrant*), «старое вытесняется новым» (III, 964). Это постоянное движение Лукреций наблюдает и в общественной жизни:

*Так весь мир обновляется вечно;
Смертные твари живут, одни чередуясь с другими,
Племя одно начинает расти, вымирает другое,
И поколенья живущих сменяются в краткое время,
В руки из рук отдавая, как в беге, светильники жизни.* (II, 75—793)

С вероятным намеком на современную ему гражданскую войну он говорит о войне между величайшими членами мира (*maxima mundi membra*) — жаром и влагой; это (как потом и для Вергилия) нечестивая война (V, 380 сл. *pio nequaquam concita bello*).

¹ Ср. у Саллюстия, *De con. Cat.*, 6, 7: царская власть превратилась в «надменное господство» (*in superbiam dominationemque se convortit*).

² См. его введение к комментарию во втором томе академического издания Лукреция, стр. 280.

³ Здесь и далее перевод Ф. А. Петровского.

Неоднократно предвещает Лукреций гибель мира: падут стены великого мира (*magni moenia mundi*) (II, 1144); все три естества — моря, земля, небо — погибнут в один день (*una dies dabit exitio*), тогда рухнет державшаяся много лет громада мира (V, 91—96; 246); солнце, луна, звезды не вечны (V, 305). Лукреций понимает, что эта мысль о гибели мира покажется невероятной и удивительной, но он надеется убедительно доказать это (V, 97—99). Не вызваны ли все эти мысли современными Лукрецию настроениями? Гибель Рима ожидалась неоднократно (в 83, 65, 63 гг.)¹. Не навяны ли они совершившимся на глазах Лукреция крушением всех старинных устоев, нарушении законов и права?

Но Лукреций не мог понять ее в духе эпикуреизма — лишь страхом перед смертью. Он стоит за существующий рабовладельческий порядок и желает лишь спокойствия и гражданского мира. Как эпикуреец и противник плебса (*vulgus*), он против новшеств (*res novae*) (V, 170); он против пустой новизны только из-за новизны (V, 909); он сетует на то, что в прежние времена не могло возникнуть полного «согласия» среди людей (*nes omnimodis poterat concordia gigni*, V, 1024). Лукреций негодует на то, что именно раздор, несогласие (*discordia*) породили ужасы войны (V, 1305—1307). Таким образом, политическим идеалом Лукреция является идущий еще от софиста Антифонта давнишний идеал господствующих групп рабовладельцев, отразившийся в эллинистической философии, *ὁμόνοια* «согласие» (*concordia*), — социальный мир в рабовладельческом обществе.

Этот идеал гражданского «согласия» отразился и в античной комедии, например у Плавта в комедии *Aulularia* в речи Мегадора, который предлагает богатым ужениться лишь на бедных для уравнения состояний, «тогда граждане были бы в несравненно большем согласии» (ст. 482), говорит он, и затем у Вергилия в «Георгиках», IV, 212, где он восхищается полным единомыслием у пчел (*mens omnibus una*). Этот идеал был популярен и в политической литературе времени Лукреция. О *concordia* много говорят и Саллюстий (см., например, *De con. Cat.*, IX, 1), и Цицерон с его *concordia ordinum*. Этот как бы надклассовый идеал на самом деле был в интересах высших и средних слоев рабовладельцев². Впоследствии Август хвалился тем, что он якобы даровал давно желанное для рабовладельцев «согласие», гражданский мир, и утверждал в «*Res gestae*», что он «с общего согласия» получил власть³.

Это резкое противоречие между социально-политическим идеалом Лукреция и современной ему действительностью привело к возникновению у него нот пессимизма, хотя надо сказать, что пессимизм этот не следует преувеличивать, как это делают буржуазные ученые⁴. Не все, что относили к пессимизму Лукреция, можно признать действительно полным пессимизмом, если стать на историческую точку зрения и исходить из его философского учения. Конечно, нам кажутся пессимистичными мысли Лукреция о жизни и смерти, о самовольном уходе из жизни (III, 938 сл., ср. и ст. 943, 1078 сл.).

Не лучше ли тебе положить конец жизни и мукам?

спрашивает Природа (III, 943); утешения человеку нет; всегда все остается одно и то же (III, 945, 947; *eadem sunt omnia semper*), заявляет от лица Природы Лукреций. Поэт-философ хочет этим сказать, что всегда останутся те же общественные язвы, против которых он восстает как эпикуреец — честолюбие, стремление к славе и власти,

¹ См. Н. А. Машкин, Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики, ИАН ОИФ, 1946, № 5.

² См. С. Л. Утченко, Учение Цицерона о смешанной форме государственно-го устройства и его классовая сущность, ВДИ, 1949, № 3.

³ См. Н. Ф. Дератани, Энеида и Август, ВДИ, 1946, № 4.

⁴ Например, Martha, *Le poème de Lucrèce*, Paris, 1869, стр. 315—337.

зависть (см. V, 1120—1135). Эта расшифровка доказывается тем, что все это пере-числение пороков своей современности Лукреций пессимистически заканчивает такими словами, которые как раз совпадают со словами Природы, обращенными к человеку: «Все это проявляется теперь и будет проявляться, как было ранее» (ср. III, 938 сл., 943, 1078 сл.).

Однако, определяя мысли Лукреция о жизни и смерти как пессимистические, надо все же учитывать исходное положение Лукреция, вытекающее из его правильного взгляда на природу, именно, что всюду старое вытесняется новым. Лукреций после выступления олицетворенной Природы заявляет:

*Думаю, так укорять и бранить нас вправе природа,
Ибо отжившее все вытесняется новым, и вещи
Восстанавливаются вновь одни из других непременно. (III, 963—965)
Так возникает всегда неизменно одно из другого (III 970)*

По мнению Лукреция, смерть не должна нас огорчать; это строго вытекает из сущности эпикуреизма; ведь после смерти человека ожидает «беззаботный покой». Природа спрашивает человека:

*Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством жизни,
И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный? (III, 938 сл.)*

И далее Лукреций ставит заключительный вопрос:

*Разве там что-нибудь ужас наводит иль мрачное что-то
Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней? (III, 976 сл.)*

Таким образом, смерть, по Лукрецию, приближает человека к идеалу мудреца-эпикурейца — к высшей безмятежности блаженных богов; у них «спокойная обитель» (III, 18; *sedes quietae*); все доставляет им сама природа, говорит поэт-философ, невольно рисуя жизнь богов чертами «золотого века»; никогда ни одна вещь не нарушает покоя их души (*animi pacem*) (III, 23 сл.), они безмятежны (*quieti*) (V, 168). Далее известны в поэме пессимистические рассуждения об истощении италийской земли, известные жалобы старика-пахаря и виноградаря на бесплодность их работы (II, 1161—1165; 1168); все это стоит в противоречии с утверждением, что совокупность вещей нова (V, 330; *habet novitatem summa*). Но и здесь следует иметь в виду заключение второй книги, где Лукреций исходит опять из своего правильного наблюдения: виноградарь не понимает, что все постепенно дряхлеет (ст. 1173; *paulatim tabescere*) и сходит в могилу (ст. 1175); кроме того, следует учитывать материалистическое утверждение Лукреция о развитии природы без вмешательства божества: природа создана не для нас и не божественной волей; она страдает многими пороками (V, 199: *tanta stat praedita supra*); поэтому человек должен преодолевать природу, необходима борьба с природой; нельзя «ждать милостей от природы», как бы хочет сказать Лукреций; поэтому и приходится напряженно трудиться:

*Что ж остается под пашню, то силой природа своею
Все бы покрыла бурьяном, когда б не противились люди,
Жизнь защищая свою, привыкнув над крепкой мотыгой
Тяжко вздыхать и поля бороздить нагнетаемым плугом.
Если ж ворочая в них сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, не пробудим их к жизни,
Самостоятельно в воздух прозрачный ничто не пробьется (V, 206—212)*

Отсюда, для иллюстрации вполне научного представления о том, что природа не создана для человека, разворачивается картина рождения человека бессловесным, жалким младенцем (V, 222—227). Характерны заключительные слова:

*Плач заунывный его раздается кругом, и понятно:
Много ему предстоит испытать злоключений при жизни (V, 226 сл.)*

Последними стихами, несомненно, вносится пессимистическая нота в чисто реалистическую картину.

Итак, отдельные нотки пессимизма у Лукреция несомненны. Однако они не могли существенно изменить оптимистичности его концепции в целом. Картина исторического развития человечества вытекает у Лукреция из его эпикурейского материализма, из его атомистики. Общая направленность исторического процесса толкуется Лукрецием как постепенное развитие культуры. Изображая это развитие, Лукреций естественно пронизывает всю свою концепцию оптимизмом. И в его время преуспевают искусства (V, 332 сл.: *artis exoliuntur et augescunt*), человечество продолжает прогрессировать, к чему толкает его *usus* (потребность) (V, 1453; *pedetemptim progredientis*); все доводится до совершенства. Поэтому, если все совершенствуется, то вполне естественно отпадает представление о когда-то бывшем «золотом веке». Это представление, как известно, было весьма популярным, особенно у средних слоев римских рабовладельцев, разочарованных в современной им действительности; ища выхода из тупика, они даже чаяли наступления «золотого века» в будущем¹. Лукреций даже вносит как бы поправки в черты «золотого века». Когда-то, действительно, сама земля давала все необходимое (II, 1157—1159; *sponte sua — ipsa creavit*) (V, 817, 938; *sponte sua*), как в золотом веке (см. Ов., *Metam.*, I, 104—106): люди питались желудями, падающими с дубов (V, 934; *glandiferas — quercus*), и ягодами земляничника (*arbuta*, 941), которые были обильнее (*maiora*; ст. 942), однако это не было счастливым житьем «золотого века», — такая нища была потому, что люди не умели вспахать поле железом (934, *nes scibat ferro molirier arva*). А когда человечество научилось преодолевать природу и по росткам на желудях прививать отростки к деревьям, когда люди стали обрабатывать поля, то

*Замечали тогда, что на нем от ухода за почвой
Диких растений плоды получались нежнее и слаще* (V, 1367—1369)

и желуды уже начали вызывать отвращение (V, 1416; *odium coepit glandis*). Не реки текли молоком, как в «золотом веке», а мать-земля, породив младенцев, стала развешивать свои поры и изливает по открытым жилам питательный сок (*sucum — fundere*) (V, 809—811). Лукреций даже высмеивает чудеса «золотого века». Не золотой канат спустил людей на землю, не море и не волны создали людей, а земля (II, 1154 сл.); «животные не могли упасть с неба на землю, а земноводные не вышли из соленых заводей» (V, 793 сл.), — говорит Лукреций, может быть, отчасти намекая на учение Анаксимандра о происхождении людей из моря. Поэт называет пустой болтовней рассказы о том, что по земле когда-то текли золотые реки, деревья цвели драгоценными камнями и что человек рождался таким огромным, что мог шагать по глубокому морю и руками вращать все небо (V, 910—915). Мы видим явную насмешку над картинами «золотого века», которая усиливается тем, что здесь приводятся не шаблонные, а, очевидно, выдуманные самим Лукрецием черты блаженной «золотой эпохи».

Всматриваясь в историческую концепцию Лукреция, видишь, что она построена так, что в ней даются ответы на все основные вопросы, волновавшие поэта-философа. Например — откуда ненавистная, наводящая на людей страх религия? Правда, этот вопрос не стоит у Лукреция на первом месте в его истории человечества, так как людям нужны были долгие наблюдения непонятных им законов природы, чтобы найти единственный выход (*refugium*) — приписать эти явления природы действию богов (V, 1184—1193). Но примечательны те восклицания, какими сопровождает Лукреций свои выводы о происхождении религии:

*О, человеческий род несчастный! Такие явления
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язь причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!* (V 1194—1197)

¹ См. Н. А. Машкин, Эсхатология и мессанизм в последний период Римской республики, ИАН ОИФ, 1946, № 5.

Затем, откуда возмущающее Лукреция нарушение права (ius), господство насилия (vis) — эти черты, характерные для «железного века» (например, отмеченные Овидием в «Метаморфозах», I, 131)?¹ И вот Лукреций рисует историю этого насилия (vis). Насилие было свойственно лишь древним людям. Оно было тогда, когда люди еще не соблюдали «общего блага» (commune bonum), когда они не знали обычаев и не умели пользоваться законами (5, 958 сл.), когда ценились лишь природный талант и сила (V, 1111), но потом причинять насилие (vi colere aequum) надоело, и люди сами установили права и пожелали пользоваться более гуманными законами (V, 1145—1151). Лукреций надеется, что насилие и произвол (vis atque iniuria) не могут оставаться безнаказанными; пусть преступник обманет богов и людей, но ему не укрыться от наказания (V, 1152—1160).

Откуда современная Лукрецию война, раздоры? Войны начались давно; Лукреция интересует развитие оружия, которое сначала было весьма примитивно (V, 1281—1307). Лукреций в ужасе от войны:

*Так порождалось одно из другого раздором жестоким
Все, что людским племенам угрожает на поле сраженья,
День ото дня прибавляя все новые ужасы битвы* (V, 1305—1307).

Эти соображения о прежних войнах, естественно, перебрасывают поэта в его современность: «теперь золото и пурпур тревожат (exercent) жизнь людей и отягощают ее войной (belloque fatigant) (V, 1423 сл.). Прежние поколения в этом отношении оказываются даже выше современного:

*В этом, как думаю я, поколение наше виновней:
Стужа нагих и без шкур терзала людей землеродных,
Нам же, по правде, ничем не грозит недостаток багряных,
Золотом шитых одежд, изукрашенных пышным узором,
Если от холода нас защищает плебейское платье.
Так человеческий род понапрасну и тщетно хлопочет...
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
Ни предела, доколь наслаждение истое длится.
Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море
И подняло из пучин войны великие волны* (V, 1425—1435)

Таким образом, в отношении войны наступило ухудшение по сравнению с прошлым временем; современность Лукреция приобрела типичную черту «железного века», отмеченную разными авторами, например, впоследствии Овидием в «Метаморфозах» (I, 142 сл.; «выступает война, которая сражается тем и другим (т. е. железом и золотом) и кровавой рукой потрясает бряцающее оружие»). Лукреций сравнивает давние времена с современным ему положением и, при всей некультурности предков, несколько не считает современное положение лучше:

*Правда, тогда человек, в одиночку попавшись, чаще
Пищу живую зверям доставлял...
Но не губила зато под знаменами тысяч народа
Битва лишь за день один* (V, 990 сл.)
(V, 999 сл.)

А, с другой стороны, усовершенствование оружия Лукреций считает прогрессом и упоминает о нем наряду с другими элементами культуры (5, 1449). То же противоречие получается и в отношении мореплавания. Как положительная черта древнего времени отмечается то, что первобытные люди не пускались в опасные морские плавания:

*Да и бурные моря равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни,
И не могли никого коварные моря соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь, волнами.
Держкое людям совсем мореходство неведомо было* (V, 1000—1106)

¹ См. Н. А. М а ш к и н, Эсхатология..., стр. 260.

Это типичная черта «золотого века», идущая от Гесиода и повторяемая Тибуллом (I, 3, 48), Горацием (Оды, I, 3, 9—24) и Овидием (Метам., I, 94—96). Но и здесь основная концепция прогресса культуры стоит в противоречии с указанной чертой «золотого века»; развитие мореплавания рассматривается в дальнейшем как прогресс:

Море уже зацвело кораблей парусами.

(V, 1442)

а мореплавание признается положительным прогрессивным моментом (V, 1448).

Признание положительных черт прошлого наряду с общим прогрессом не ограничивается войной и мореплаванием. Представление о «золотом веке» Лукреций сам объясняет как результат недовольства настоящим. Пахарь и виноградарь, видя бесплодность своих трудов, воображают, что гораздо лучше жилось в древности, когда народ жил беззаботно, довольствуясь малым (*angustis toleravit finibus aevum*), хотя земельный надел был значительно меньше (II, 1170—1172). Но таков был идеал и самого Лукреция (*vivere parce*); он противопоставляет умеренную жизнь стремлению к славе, богатству, власти, честолюбию, зависти — всем порокам своей современности. В прежние времена была скудная пища, которая приводила к смерти, а теперь, замечает Лукреций, обилие (*regum sopia*) нас губит (V, 1007 сл.). Итак, доля положительного была и в прошлом. Ухудшение отмечается и в климате:

*Юный тогда еще мир не давал ни морозов жестоких,
Ни непомерной жары, ни ветров неустой силы;*

(V, 848 сл.)

Хотя Лукреций, имея в виду основную идею развития, приписывает это качество юного мира его незрелости и говорит:

Все ведь растет постепенно и мало-помалу крепчает,

(V, ст. 820)

однако ясно, что в прежние времена жизнь была приятнее; климат был мягкий — снова черта «золотого века» (ср. Ovid., Met., I, 107 сл.: «была вечная весна, и нежные зефиры ласкали рожденные без семян цветы»). Лукреций хвалит простоту, закалку и крепость древних людей — все это опять черты «золотого века», отмеченные впоследствии Ювеналом (Sat., VI, 1—7); вот что говорит Лукреций:

*Та же порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землей...
Мало доступны они были действию стужи и зноя*

(V, 925—929)

Лукреций с упоением описывает скромность и невзыскательность прежних людей, хотя и подчеркивает их грубость (V, 1389—1402).

Напомнив о появлении золота, Лукреций не просто говорит о смене меди золотом, а отмечает современную страсть к золоту; следовательно, считает появление золота вредным (V, 1279 сл.). Так в современности снова выдвигается черта «железного века» также отмеченная Овидием (Met., I, 140 сл.): вырываются богатства, возбудители бед: уже появилось вредное железо и еще более вредное золото (*ferroque nocentius aurum*).

Таким образом, при определенной научной направленности своей исторической концепции Лукреций, в результате столкновения этой концепции. Поэт-философ, не мог избавиться от невыдержанности этой концепции. Поэт-философ отчасти примкнул к потоку тех писателей и философов античности, которые с разных социальных позиций в той или иной степени отрывались от современности и идеализировали некоторые черты прошлого. И тем не менее, несмотря на полную бесперспективность в среде многих общественных слоев Рима конца республики, черты пессимизма в творчестве Лукреция не оказались настолько сильными, чтобы подорвать мощную струю его оптимизма, веру в прогресс, в силы и разум человека, в его труд, преодолевающий природу. В истории античной философии и литературы Лукреций сияет, как «свежий, смелый поэтический властелин мира» (Маркс).

Проф. Н. Ф. Дергачев